

— Ты как разговариваешь? — Бабушка У, только что принесшая из дома свежую охапку вязаных вещей, услышала эти слова и поспешно загородила У Ляньшань собой. Девочка, тогда еще ученица средней школы, была явно напугана: она вцепилась в одежду бабушки и мелко дрожала.

Сяо Хэ, увидев взрослого, мигом растеряла свой поучающий тон. Не проронив больше ни слова, она быстро ушла. Бабушка обернулась и прижала внучку к себе, тревожно спрашивая:

— Она еще что-то тебе сделала?

У Ляньшань отрешенно покачала головой, а спустя мгновение будто очнулась, и её глаза наполнились слезами:

— Бабушка, неужели хорошая учеба правда бесполезна? Неужели университет ничего не даст?

— Не слушай её бредни! — Бабушка У была вне себя от гнева и обиды. — Она наверняка сама недоучка, вот и завидует нашей Шаньшань, такой умнице! Не будем обращать внимания на подобных людей! Шаньшань, не расстраивайся!

У Ляньшань вытерла слезы и сказала, что устала и хочет отдохнуть. Бабушка попросила соседку по прилавку присмотреть за товаром и проводила внучку домой.

С тех пор У Ляньшань больше не вспоминала об обиде, нанесенной на рынке, но бабушка заметила её подавленность. Девочка по-прежнему помогала у прилавка, вежливо улыбалась покупателям, но больше никогда не приносила с собой учебники. Когда клиентов не было, она просто молча смотрела на прохожих, погруженная в свои мысли. Именно тогда она попросила научить её вязать. Бабушка понимала, что это влияние слов Сяо Хэ, и поначалу отказывалась, твердя, что учеба — превыше всего. Тогда внучка стала учиться у других торговцев, а на вопросы бабушки отвечала, что все уроки уже сделаны.

Бабушке ничего не оставалось, как показать ей простые техники. В вязании у девочки таланта не оказалось, и со временем бабушка смирилась: внучка еще ребенок, пусть занимается чем хочет.

Что касается Сяо Хэ, то симпатия, которую бабушка У раньше питала к этой статной и яркой женщине, сменилась жгучей неприязнью. Каждый раз, когда та проходила по улице Бацзяо, старушке хотелось высказать ей всё в лицо. Но Сяо Хэ больше не задиралась, и повода для ссоры не было. Когда именно она съехала, бабушка уже не помнила.

— Так это она была той убитой... — Старушка на мгновение впала в оцепенение, а затем покачала головой. — С таким характером немудрено нажать врагов.

Дело Чжао Шуйхэ было одним из самых громких в Яфу в первой половине года. Раз уж зашел разговор, Мин Хань спросил бабушку, что она знает об этом преступлении. Та обрывочно пересказала общеизвестные факты: успешная бизнес-леди, убитая молодым подчиненным. Всё это уже транслировали СМИ, и во время рассказа старушка вела себя совершенно естественно.

Мин Хань уточнил:

— У Ляньшань приезжала в прошлый раз как раз тогда, когда убили Чжао Шуйхэ. Вы обсуждали это дело?

Поскольку убийца уже был пойман, у бабушки У не возникло и тени подозрения в адрес

внучки. Она ответила прямо:

— Нет. Она пробыла дома всего несколько дней, а я в то время на рынок не выходила. Кажется, я узнала о смерти той женщины уже после их отъезда.

— А за все эти годы вы когда-нибудь вспоминали о Сяо Хэ?

Бабушка снова покачала головой:

— Если бы вы не спросили, я бы и не вспомнила. Шаньшань, думаю, тоже о ней забыла.

Едва Мин Хань спустился к машине, зазвонил телефон. Это был Чэнь Чжэн.

— Ты что, установил слежку за моим телефоном? — усмехнулся Мин Хань, принимая вызов.

— М? — не понял Чэнь Чжэн.

— А иначе как ты узнал, что я только что вышел от бабушки У?

— ... — Чэнь Чжэн пропустил подколку мимо ушей. — Снова был у неё?

— Твой «брат по оружию» из института нашел ключевую зацепку, разве я мог не проверить?

Мин Хань на ходу пересказывал результаты расследования. На улице Бацзяо становилось всё шумнее, и ему приходилось повышать голос. Только когда он сел в машину и захлопнул дверь, мир наконец затих. Голос Чэнь Чжэна зазвучал чисто и близко, будто напарник ждал его прямо на пассажирском сиденье:

— То есть ты считаешь, что У Ляньшань затаила злобу на Чжао Шуйхэ еще восемь лет назад, и её истинной целью приезда в апреле было убийство?

Мин Хань бросил взгляд на пустое кресло рядом, невольно улыбнулся и вернулся к дороге:

— Знакомство У Е с бабушкой было лишь ширмой. И теперь мы нашли мотив, скрытый за этой ширмой. У них с Чжао Шуйхэ были старые счеты. И не кажется ли тебе, что сам конфликт идеально вписывается в характер, который Чжао Шуйхэ проявляла позже?

Чэнь Чжэн помолчал.

— Да. Если Вэнь Бинь сказал правду, то Чжао Шуйхэ враждебно относилась к молодым и перспективным женщинам. Она знала, как тяжело ей далось её место, и боялась конкуренции. При этом она была достаточно умна, чтобы использовать имидж «защитницы женщин» для самопиара. Глядя на неё восьмилетней давности, понимаешь — тогда она была еще незрелой и могла сорваться на ребенке.

— Я попытался поставить себя на место У Ляньшань, — продолжил Мин Хань. — Подобный удар в подростковом возрасте ведет к трем сценариям: либо полная апатия и неверие в себя, либо затаенная обида, которую время не лечит, а лишь раздувает при удобном случае. Третий вариант — самый частый: попереживала и забыла.

— Подавляющее большинство выбирает последний путь, — согласился Чэнь Чжэн.

— Но первые два нельзя исключать. Особенно учитывая, что мы наткнулись на эту историю в ходе следствия. Я просто обязан связать У Ляньшань с делом Чжао Шуйхэ.

Чэнь Чжэн задумчиво произнес:

— Но убивать за слова восьмилетней давности... Это всё еще звучит натянуто. Если только...

— Если только не было иного повода, — подхватил Мин Хань. — Брат, мы мыслим в одном направлении. Я же сказал — появился некий «триггер», заставивший её действовать.

— И этот триггер связан с появлением У Е, — тихо, почти про себя, проговорил Чэнь Чжэн.

— Что там с У Е? — не расслышал Мин Хань.

— У Е вырос под крылом матери и сестры. Его личность сформирована так, что он крайне зависим от женщин и восхищается ими. Возможно, У Ляньшань стала проекцией его внутренних идеалов. Я вот о чем подумал: если она случайно рассказала ему о том давнем случае на рынке, как бы он отреагировал?

— Гнев? Обострившийся инстинкт защитника? — Мин Хань присвистнул. — Если мы продолжим этот анализ, то сможем напрямик тащить У Е и У Ляньшань в допросную.

— Трудность в том, — заметил Чэнь Чжэн, — что следствие по делу Чжао Шуйхэ закрыто. Сян Юй вот-вот предстанет перед судом.

Пересмотр дел — процедура сложная везде. За спиной Чэнь Чжэна стоял лишь институт психологии, и полиция Яфу могла просто проигнорировать его мнение. Что касается Мин Ханя, его мобильная группа из провинциального управления обычно не вмешивалась в дела местных без официального приглашения.

— Всё зависит от того, сколько улик мы соберем, — сказал Мин Хань. — К счастью, Сян Юй еще в СИЗО, а не в тюрьме. Шанс есть.

Ранее Сюй Чуань, пытаясь попасть в СИЗО к Сян Юю, потерпел фиаско — полиция Яфу и так проявила щедрость, разрешив ему копаться в архивах. Однако никто не ожидал, что он действительно найдет важную информацию в «бесполезных» бумагах и свяжет её с делом в Чжуцюане. Когда он снова заговорил о встрече с Сян Юем, отношение к нему стало куда серьезнее. Его принял не рядовой опер, а заместитель начальника угрозыска Гун Цзинь.

— Сян Юя брал я. Допрашивал тоже я, — Гун Цзинь сразу перешел к делу. — Считаешь, я схватил не того?

Гун Цзинь был крупным, крепким мужчиной, прожженным годами оперативной работы. Он возвышался над щуплым Сюй Чуанем как гора. Сердце парня бешено колотилось, но он изо всех сил старался копировать невозмутимый тон Чэнь Чжэна.

— Капитан Гун, мы пока не говорим об ошибке — я ведь еще не видел Сян Юя. Но я приехал сюда потому, что в ваших же материалах нашел пробелы. Сян Юй утверждает, что убил сам, но медэкспертиза допускает наличие второго участника. Почему эта версия не была отработана до конца?

Гун Цзинь выглядел суровым, но слова Сюй Чуаня его, казалось, не задели.

— Судмедэксперт также сказал, что Сян Юй был в неадекватном состоянии. Все удары мог

нанести и он один.

— Обе версии имеют право на жизнь, и отказ от любой из них может стать ошибкой, — Сюй Чуань удивлялся собственной хладнокровности. — Я приехал из-за сомнений в деталях, а нашел еще одну зацепку. Чжао Шуйхэ жила на улице Бацзяо. Мы с капитаном Мин Ханем проверили это и выяснили, что у неё был конфликт с У Ляньшань — фигуранткой дела в Чжуцюане. У Ляньшань была в Яфу в апреле, как раз во время убийства. Эти нити заставляют меня рассматривать оба дела как единое целое. Капитан Гун, я повторяю свою просьбу: позвольте мне увидеть Сян Юя.

Гун Цзинь долго молчал, меняясь в лице. Когда Сюй Чуань уже приготовился к отказу, капитан встал:

— Мне говорили, что в институте сидят одни бездельники и бумагомараки. Я думал, ты такой же.

Сюй Чуань открыл рот, не зная, обижаться или нет.

— Глядя на тебя, я гадал: как такой молодой парень угодил в подобную контору? Признаю, я был предвзят, — добавил Гун Цзинь.

— Капитан Гун! — выдохнул Сюй Чуань, почувствовав перемену.

— Я руководил следствием по делу Чжао Шуйхэ. И, как и ты, я сомневался в показаниях Сян Юя. Я тянул с закрытием дела, настаивал на проверке, — Гун Цзинь вздохнул. — Но я не выдержал давления сверху. Раз делом заинтересовались ваш институт и мобильная группа, я с радостью передаю эстафету. Иди и копай. На меня не оглядывайся.

— Спасибо, капитан! — Сюй Чуань был в восторге.

Сян Юй находился в СИЗО, ожидая перевода в колонию после приговора. Сюй Чуань много раз видел его на видеозаписях. На одной из них он нагло бросал в камеру:

— Да, я убил её! Она три года топтала моё достоинство, она это заслужила! Я отомстил за себя. Такие бабы должныдохнуть, я — герой!

Однако сейчас перед Сюй Чуанем сидел истощенный, апатичный человек, в котором было трудно узнать того заносчивого парня.

Когда Сюй Чуань делал психологический профиль для института, он читал отзывы в сети. Немало людей считали, что Сян Юй поступил правильно. В основном это были мужчины, считавшие, что общественность слишком снисходительна к женщинам: мол, женщине простят любые унижения в адрес мужчины. Те, кто славил Сян Юя, сами чувствовали себя униженными начальницами, женами или матерями. Для них он сделал то, на что они не решались. Он был их героем.

Сюй Чуань не знал, слышал ли Сян Юй эти голоса после ареста. Возможно, именно они давали ему силы настаивать на своей вине. Но остались ли эти силы сейчас?

— Сян Юй, ты правда убил Чжао Шуйхэ? — Сюй Чуань прижал свое удостоверение к стеклу, не сводя глаз с заключенного.

Тот отреагировал не сразу. Долго рассматривал документ и наконец спросил:

— Вы... вы пришли мне помочь?

— Я пришел услышать правду.

Сян Юй облизал сухие, потрескавшиеся губы и опустил голову.

— Полиция закрыла дело, но в нем полно белых пятен, — продолжал Сюй Чуань. — И все они указывают на то, что ты — не единственный убийца. А может, и вовсе не убийца.

Плечи Сян Юя задрожали, он сжался еще сильнее.

— Мне любопытно, зачем ты его выгораживаешь? — надавил Сюй Чуань. — Что он тебе дал? Что обещал? Или ты просто решил присвоить себе всю «славу»? На видео после ареста ты выглядел так, будто совершил великий подвиг.

— Нет! — Сян Юй вскинулся, будто его ударили по больному месту.

Сюй Чуань ковал железо, пока горячо:

— Что «нет»? Посмотри на себя. Ты в ужасном состоянии. Посидел в СИЗО и понял, что эта жизнь — не сахар? Быть «героем» утомительно, верно? Тебе хочется быть просто обычным человеком, на свободе. Так ведь?

Сян Юй начал задыхаться от частого дыхания. Сопровождающий полицейский хотел подойти, но заключенный резко отпрянул. Сюй Чуань, изучавший криминальную психологию, легко считал этот жест: Сян Юй боялся и ненавидел тюремную жизнь, этот страх переносился на любого сотрудника в форме.

— После убийства тебя поймали не сразу. Ты читал, что пишут в интернете, видел, как такие же обиженные называют тебя героем. Это подстегнуло твой импульс. Думаю, именно из-за этих слов ты захотел доказать всем, что ты и есть тот самый мститель.

Сян Юй кусал пальцы, непрерывно качая заголовком.

— Когда ты признался, твой адвокат наверняка передавал тебе слова поддержки из сети. Ты чувствовал себя неуязвимым. Но... — Сюй Чуань выдержал паузу. — Время идет, и ты начал жалеть. Ты не хочешь провести остаток жизни за решеткой. Тебе хочется закричать: «Я не убивал!», но ты уже заложник своего образа. Ты боишься, что, сказав правду, перестанешь быть героем.

Полицейский рядом затаил дыхание.

— Сян Юй, я здесь, чтобы дать тебе последний шанс. Так ты убил Чжао Шуйхэ или нет?

Спустя несколько минут по ту сторону стекла раздался надрывный плач. Сян Юй в исступлении заколотил по столу:

— Я не знаю... Я ударил её ножом, но когда я пришел, она уже лежала там! Всё было в крови!

События 12 апреля.

Ярость к Чжао Шуйхэ кипела в Сян Юе давно. В своих мыслях он убивал её тысячи раз, но в

реальности лишь смиренно склонял голову, бормоча: «Госпожа Чжао». Недавно она отобрала у него проект и отдала его новой сотруднице — это стало последней каплей. Сян Юй начал следить за ней, сам не зная зачем. В тот вечер он выпил и увидел, как Чжао Шуйхэ со странным видом заходит в небольшой парк.

В этом парке когда-то изнасиловали студентку. То, что Чжао Шуйхэ пошла туда так поздно, пробудило в нем темные инстинкты. Но даже когда она осталась одна в пустом парке, смелости войти не хватило. Тогда он заказал через доставку пиво и водку прямо к входу в парк.

Он пил и наблюдал. Чжао Шуйхэ не выходила.

Когда алкоголь ударил в голову, он почувствовал небывалую силу. «Покорить эту бабу — раз плюнуть», — подумал он. Шатаясь, он забрел вглубь парка, выкрикивая её имя, но никто не отвечал. Вдруг в лесной чаще мелькнула тень, а затем раздался стон боли. Сян Юй присмотрелся: на земле лежала Чжао Шуйхэ.

Она узнала его и протянула окровавленную руку:

— Сян Юй... скорее... вызови скорую...

Но его мозг, затуманенный спиртным, работал иначе. Он подошел и встал над ней. Впервые он смотрел на неё сверху вниз. Эта женщина, растекшаяся по земле как грязь, больше не казалась страшной. «И почему я её боялся?» — пронеслось в голове.

Чем сильнее она умоляла, тем ярче всплывали обиды прошлого. Он вдруг дико расхохотался:

— Госпожа Чжао, это правда вы? И вам настал конец? Что с вами? Подыхаете? Ха-ха-ха!

Она продолжала плакать и просить о помощи. Он с омерзением пнул её и заметил в траве упавший кинжал. Схватив его как сокровище, он подошел ближе. Чжао Шуйхэ из последних сил хрипела его имя.

Он слышал это имя из её уст тысячи раз, и никогда в нем не было уважения — только тон, которым подзывают паршивую собаку. Но он не собака! Он десять лет грыз гранит науки в престижном вузе не для того, чтобы быть псом у этой бабы! Ярость достигла пика. Он занес нож и начал наносить удары в шею и лицо:

— Получай! Будешь знать, как звать меня! Тварь!

Стоны затихли. Осталось только торжествующее сопение мужчины. Он бросил нож и сидел рядом с трупом, пока хмель не начал выветриваться. Ужас охватил его. Убегая, он несколько раз падал.

Сначала он всё отрицал. Но перед официальным арестом он анонимно выложил в сеть пост о дискриминации мужчин со стороны Чжао Шуйхэ. Когда посыпались комментарии о том, что убийца — герой, он почувствовал небывалое удовлетворение. Впервые в жизни он был в центре внимания. У него всегда были хорошие оценки, но толку? Обычная внешность, небогатая семья, скромный характер... А теперь он был легендой!

Когда полиция предъявила улики, он решил не отпираться. Он нагло признался во всем, объявив себя единственным убийцей. Единственным героем.

Но месяцы в СИЗО сломали его «героический» дух. Страх перед смертной казнью или

пожизненным сроком стал невыносимым. Приход Сюй Чуаня стал той соломинкой, за которую он ухватился.

Выйдя из СИЗО, Сюй Чуань был весь в поту. Он долго сидел в машине, приходя в себя. Полиция Яфу уже получила известие: дело Чжао Шуйхэ будет возобновлено.

Гун Цзинь потер лицо и скомандовал подчиненным:

— Всем за работу.

Один из оперов задержался:

— Ты не боишься за свою карьеру?

— Карьеру? — усмехнулся Гун Цзинь. — А что с ней?

— Отчет о закрытии дела подписал ты. А теперь институтские всё переигрывают!

— И это прекрасно, — отрезал капитан. — Или ты хотел, чтобы суд вынес приговор, человек сел, а потом выяснилось бы, что настоящий убийца гуляет на свободе?

— Но... — Оперативник вдруг осекся. — Так ты сделал это специально?

Полиция на местах обычно презирает институт психологии, отправляя им дела в последнюю очередь, когда приговор уже вступил в силу. Но дело Чжао Шуйхэ Гун Цзинь отправил им немедленно по завершении следствия.

— Ты хотел, чтобы институт вмешался! — ахнул напарник.

Гун Цзинь промолчал. У него были свои причины. С самого начала он чувствовал, что за Сян Юем кто-то стоит, но не мог найти доказательств под давлением общественного мнения. Он решил пойти на риск.

— Но почему институт? Если нужны были спецы, позвал бы мобильную группу... Что могут эти психологи?

Гун Цзинь покачал головой:

— Там Чэнь Чжэн. Он что-нибудь придумает.

— Кто там? — не расслышал опер.

Гун Цзинь не стал повторять.

— Сюй Чуань заставил Сян Юя заговорить. Ты всё еще считаешь их бесполезными?

Подчиненный виновато шмыгнул носом.

— Свободен.

Гун Цзинь посмотрел в окно и с облегчением выдохнул:

— Я не прогадал, Чэнь Чжэн.

В это же время Чэнь Чжэн, выслушав отчет Сюй Чуаня по телефону, громко чихнул.

— Шеф, вы простудились? — заволновался Сюй Чуань.

— Нет, — ответил Чэнь Чжэн. — Ты говоришь, капитан Гун из Яфу очень суровый?

— С виду — да, — хихикнул Сюй Чуань. — Но он оказался очень адекватным. Без лишних слов дал мне «зеленый свет» к Сян Юю. Если бы не он, неизвестно, когда бы я его увидел!

— Гун Цзинь... — задумчиво повторил Чэнь Чжэн.

Сюй Чуань продолжал что-то увлеченно рассказывать, но Чэнь Чжэн прервал его:

— Поговорим позже. Пришла У Ляньшань.

<http://bllate.org/book/17170/1616176>